

Лейкин Николай Александрович

Повсюду

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Повсюду: Рассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 337 с.

ISBN 978-5-519-92967-7

Содержание. Рождественское утро; Богаделенский день; Жур-фикс; Комис-
сия; Попугай; У стариков; В собачьем мире; Поэт; Свекровь и теща

ISBN 978-5-519-92967-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПО ВСЮДУ.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО.

Рождественское утро.

I.

РАННЕЕ утро. Зазвонили въ церквахъ къ заутрени—и сталъ просыпаться ночлежный домъ, спавшій крѣпкимъ, но тяжелымъ сномъ уставшихъ и плохо питавшихся людей. Первымъ поднялся и сѣлъ на своемъ ложѣ худой и длинноволосый старикъ съ рѣдкой клинистой сѣдой бородой, почесался мѣстахъ въ трехъ, посмотрѣлъ заspanными глазами направо и налево и перекинулъ голую грязную ногу сосѣда, перелѣзшую къ нему черезъ низенькую перегородку, разграничивающую мѣста. Затѣмъ онъ зѣвнулъ, опять почесался и произнесъ, ни къ кому не обращаясь:

— Православные... А вѣдь сегодня Рождество Христово.

Отвѣта не послѣдовало. Только сосѣдъ его справа, спавшій на брюхѣ, не отрывая глазъ, пошевелилъ губами, какъ-бы прожевывая что-то и промычаль.

— Великъ, православные, праздникъ! Вонъ какъ въ церквахъ къ утрени звонять!—взывалъ старикъ

и полѣзъ за портянками и валенками, торчавшими изъ подъ парусинной котомки, служившей ему изголовьемъ.—Ахъ, грѣхи, грѣхи! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ.

Противъ него, черезъ проходъ, поднялся на рукахъ, какъ сфинксъ, лежавшій на нарахъ тоже на брюхѣ косматый черный мужикъ съ темнымъ лицомъ и сказалъ строго:

— Чего орешь и зря ночлежниковъ будишь!

— Почтенный, да вѣдь сегодня Рождество. Слышишь, какъ въ колокола-то звонятъ! — отвѣчалъ старикъ, обуваясь.

— Конечно-же зря... Прямо зря будишь. Вѣдь еще рано,—понизилъ голосъ косматый мужикъ.

Обувавшійся старикъ былъ странникъ, бродящій по монастырямъ, по церквамъ, гдѣ бываетъ престольный праздникъ, питающійся въ монастырскихъ убѣжищахъ, приходскихъ столовыхъ, живущій мирскимъ подаваніемъ и всюду таскавшій за собою свою котомку за спиной. Онъ зналъ всѣ кондаки и ирмосы и запѣлъ въ полъ-голоса:

— Христосъ рождается, славите, Христосъ съ небесъ...

— Вишь, неймется тебѣ какъ...—пробормоталъ косматый мужикъ, опять поднялся на рукахъ сфинксомъ и тоже сѣлъ на нары, тараща на странника глаза.

Тотъ кончилъ первую пѣснь и хриплымъ теноркомъ запѣлъ вторую—„Дѣво днесъ Пресущественнаго рождаетъ“...

— Христославы пришли, что-ли? — слышался гдѣ-то на нарахъ заспанный голосъ.

— Старикъ вчерашний поетъ... Длинноволосый... что вчера сайку ѣлъ... — отвѣчалъ второй голосъ. — Сегодня Рождество — вотъ онъ и поетъ.

Ночлежники просыпались и потягивались. Тусклый свѣтъ двухъ лампъ еле освѣщалъ палату. Визжалъ заржавленный вентиляторъ, но мало освѣжалъ воздухъ. Каминъ, передъ которымъ сушились тряпки, давно потухъ. Воздухъ въ палатѣ былъ убійственный, такой, про который говорятъ, что на немъ хоть топоръ повѣсь. Отъ такого воздуха, израсходовавшаго весь свой кислородъ, и лампы плохо горѣли.

Странникъ надѣлъ валенки, спустился съ наръ на ноги, опоясывалъ рубаху молитвеннымъ пояскомъ и говорилъ:

— Воспаренія здѣсь ужъ очень ужасныя... такъ что духъ спираетъ... Одѣться да скорѣй на улицу.. воздушкой подышать... А то и въ носу, и въ горлѣ свербить отъ такого воспаренія. Сколько тутъ народу почуветь — страсть. И каждый человекъ свой духъ выпускаетъ.

— Живой человекъ... Ничего не подѣлаешь. Безъ духа невозможно... — отвѣчалъ косматый мужикъ, зѣвнуль, перекрестилъ ротъ и тоже началъ обуваться.

Обувался онъ не торопясь. Страхнулъ портянки и аккуратно началъ обертывать ими ноги.

— Голова отъ такого воспаренія-то всегда бо-

литъ,—продолжалъ странникъ, надѣвая на себя, поверхъ рубахи, какое-то подобіе жилета изъ ситца, на ватѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ продраннаго, и завязалъ его красной тесемкой.

— Ну, что тутъ воспаренія! Было-бы тепло. А народъ надышетъ—ну и тепло,—спокойно отвѣчалъ косматый мужикъ.—А безъ тепла погибель. Вотъ тутъ какъ-то я подъ мостомъ на льду ночью попробовалъ прикурнуть—невозможно. Хоть и въ полушубкѣ, а невозможно. Разыскалъ я полѣно, сѣлъ на него, преслонился къ стѣнѣ подъ мостомъ—невозможно. Прикурнулъ и проснулся сейчасъ-же. Силъ нѣтъ. Ушелъ. Нашелъ въ саду у Адмиралтейства скамейку, прилегъ—сторожъ согналъ. А тутъ благодать.

— Не насбиралъ на ночлегъ, что-ли, что подъ мостомъ на льду ночевать вздумалъ?..—спросилъ странникъ.

— Да я не побираюсь, милый человѣкъ... Я пришелъ на заработки... Два дня простоялъ на Никольскомъ—ну, взяли въ поденщину. Два дня чистилъ снѣгъ по конкамъ, рубль двадцать заработалъ, а тамъ опять ничего. Проживалъ у земляка, у подручнаго дворника, а тотъ слегъ въ больницу, ну старшій и говоритъ: „ступай, говоритъ, вонъ, нечего тебѣ тутъ въ дворницкой вавилоны околачивать“. Есть у меня тутъ и еще земляки, да не могу ихъ разыскать... Третьягоднясь рубаху продалъ—ну и питаюсь. А чтобы побираться—я ни Боже мой.

Косматый мужикъ обулся и вмѣстѣ съ странникомъ отправился къ умывальному крану умываться. Тамъ они долго плескались, вытерлись. У странника нашелся гребешокъ. Онъ расчесалъ свои длинные волосы съ проборомъ и предложилъ гребень косматому мужику.

— Нѣтъ, не надо! Водой смочилъ,—отказался тотъ и всталъ передъ образомъ на молитву.—Рождество Христово батюшка, помилуй насъ... Богородица, матушка, спаси насъ... Никола, батюшка, спаси насъ грѣшныхъ...—бормоталъ онъ и истово крестился.

А странникъ, покрестившись на икону, опять запѣлъ: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“... Кончивъ эту стихиру, онъ повторилъ „Христосъ рождается“ и „Дѣво днесъ“. Сзади него сгруппировались ужъ пять—шесть ночлежниковъ. Они стояли босые и крестились. Кончивъ пѣть, странникъ обернулся, зажалъ въ кулакъ свою длинную и узкую бороду и, держа другую руку на желудѣ, поклонился ночлежникамъ и сказалъ:

— Съ превеликимъ праздникомъ Рождествомъ Христовымъ, братцы честные, православные!

У водопроводныхъ крановъ умывались и фыркали два ночлежника, и одинъ изъ нихъ съ рыжей бородой бормоталъ:

— Людямъ праздникъ, а намъ безработица. Каку-таку работу найдешь теперь на святкахъ? Гдѣ ее съищешь? Кругомъ бѣда.

Странникъ облеся въ скуфью и длиннополый

сюртукъ на вытертой овчинѣ, суконный верхъ котораго лоснился на груди и рукавахъ, какъ выдѣланная кожа. Косматый мужикъ, надѣвъ на себя рванный полушубокъ и нахлобучивъ шапку, не отставалъ отъ странника. Онъ помогъ ему укрѣпить на спинѣ котомку и спросилъ:

— Куда теперь, землякъ?

— Само собой, въ храмъ Божій,—отвѣчалъ странникъ.—Никогда не льются такъ щедро подаванія отъ православныхъ христіанъ, какъ въ сей день священный.

— Пойду и я съ тобой перекрестить лобъ. Да и въ толпѣ погрѣюсь,—сказалъ мужикъ.

— А ино отчего-жъ не идти? Пойдемъ, пойдемъ...

Они вышли изъ ночлежнаго дома на улицу и остановились, сильно вдыхая въ себя свѣжій воздухъ.

— Послѣ воспареній въ ночлежномъ-то куда какъ хорошо теперь! Сладость единая...—проговорилъ съ улыбкой странникъ.—Ну, побредемъ. Вонъ въ церквахъ ужъ и звонить перестали. Полунощницу теперь читаютъ.

— Они шли. Мужикъ тащился за странникомъ и кротко говорилъ:

— Людямъ праздникъ, а мнѣ такая беда, что придется по улицамъ бродить. Есть у меня здѣсь гдѣ-то около быковъ... вотъ гдѣ скотопригонный дворъ-то... два земляка... не то въ дворникахъ, не то въ рабочихъ живутъ, да какъ ихъ разыщешь! Пыталъ я, но ничего не вышло. Попытать развѣ еще?